

Глава 142.

Сон вздохнула, когда она коснулась длинного золотого меха Аури, сладкого котенка, все еще несчастного из-за потери его приемного родителя, он едва шевелился на своей кровати. Даже после месяца разлуки он все еще настаивал на том, чтобы каждую ночь спать в палатке Рейна, скорбно плача, обнимаясь с леди Мэй Лин, которая плакала вместе с ним. Он ел скудно и хандрил почти все дни, ее многочисленные попытки подбодрить его не увенчались успехом. Бедный котенок, такой печальный, ей было больно видеть, как он страдает. Этого почти заставило ее захотеть, чтобы Рейн никогда, никуда не пропадал.

Почти.

Закончив расчесывать, она оглянулась, чтобы убедиться, что она одна, прежде чем наклониться, чтобы поцеловать Аури в лоб. “Перестань горевать, Рейн вернется. Пока мы говорим, старший капитан Герел его разыскивает. Твой папа скоро вернется, а до тех пор поспи со мной и сестрой. Она попыталась оторвать его от кровати, но он отказался сдвинуться с места, прозвучало слабое мяуканье протеста. Сдавшись, она погладила его и вышла из палатки, чтобы поприветствовать Джимджама и Мафу, лежащих вместе с другими квинами. Жирный Квин Рейна также проявлял признаки депрессии, хотя это не повлияло на его потрясающий аппетит, он скрипел, требуя внимания и прося угощений, пока она кормила Джимджама.

Как безответственно со стороны Рейна исчезать вот так, усложняя работу для всех оставшихся позади. В любом случае, он сам виноват, что стоял перед баркасами, как идиот с птичьими мозгами. Чего он надеялся достичь? Теперь он пропал без вести и не мог вернуться к ним, ранен он был или пленен, никто не знал. Если бы не растущее беспокойство госпожи и душераздирающее горе Аури, ей было бы все равно, но с таким количеством прекрасных людей и зверей, зависящих от него, не говоря уже о солдатах, она решила должным образом проинструктировать Рейна о его положении, когда он вернется. Хотя Бехаи относились к нему хорошо, ему не следовало забывать о своем месте в мире.

Возможно, хозяйке следовало бы взять у Рейна клятву послушания, когда он вернется, спасая всех от будущих головных болей. После того как Сон поухаживала за Джимджамом, она перешла к леди-кошке, к собственной квин и к Мафу. Ежедневный ритуал успокаивал ее, и если бы не другие обязанности, она бы каждый день ухаживала и игралась бы с животными. Потерев живот толстого Квина, она отправилась на спарринг-площадку и увидела, что мистер Растрам ждет ее с затупленной рапирой в руке. Вежливо кивнув, она взяла саблю и ударила, не давая пощады временному командиру. Комбинация вверх-вниз застала его врасплох, и взмах ее лезвия заставил его упасть на мягкие тканые коврики. Не обращая внимания на его ворчание, она подождала, пока он встанет, и снова атаковала, не давая ему отдохнуть.

Когда Рейна не стало, госпожа довела всех вокруг до изнеможения, пытаясь отвлечься, взяв на себя обучение свиты. Делать было нечего, Рейн уже научил их упражнениям, оставалось только наблюдать и мотивировать всех заниматься по двенадцать часов в день. Она даже послала сообщение Сир Равилю, призывая его сделать то же самое, угрожая крайними мерами, если они будут отставать в тренировках. Дела шли хорошо, навыки свиты росли с каждым днем, по мере того как все больше и больше воинов овладевали различными приемами Ци.

На самом деле, она чувствовала, что в отсутствие Рейна все продвигается быстрее. Он слишком мало ожидал от бывших солдат, учил их, постоянно оскорбляя и ругался, чтобы они тренировались больше. Хотя это и казалось, достаточно безобидно с стороны, на первый взгляд, практика в таких условиях породила сомнения в себе и опасения, а воину для успеха

требовалась уверенность в себе. Даже раб получал выгоду за успех, в то время как Рейн слишком любил использовать кнут для мотивации, полностью игнорируя пряник. Конечно, излишняя самоуверенность тоже была бесполезна, поэтому они спарринговались, чтобы сдерживать их высокомерие.

Отражая неуклюжий толчок мистера Растрома, Сон отошла в сторону и ткнула его в почку, ожидая, когда он упадет на землю с чередой проклятий. Ее часто били, когда она была моложе, боль была не слабой, это сделало ее сильной, что делало ее ценным инструментом для обучения. С трудом поднявшись на ноги, он поморщился и снова бросился в атаку, позволяя ей легко победить его тем же движением. После нескольких минут оскорблений Мистер Растрем взвыл от разочарования и отбросил свое оружие в сторону, прежде чем умчаться прочь, громко шлепая по грязи. В замешательстве Сон молча стояла и оглядывалась в поисках инструкций. Спарринг еще не закончился, но у нее не было полномочий задержать его.

Хозяйка была занята своим спаррингом, но Леди Турсинай заметила дилемму Сон и ухмыльнулась, посылая ей сообщение. "Сон, идите за ним. Ваш спарринг еще не закончился, так что верните своего партнера. Помни, формально он командир, так что ты должна сохранить уважение. Ты не можешь использовать силу, убеди его вернуться, используя слова."

У нее свело живот, когда она последовала за мистером Растромом, не зная, как его убедить. Тем не менее, приказы были приказами, и хотя положение Леди Турсинай было неясным, ее роль как хранительницы госпожи и ее сила означали, что она должна была подчиняться. Если только Бекхайцы бы установили четкие руководящие принципы иерархии, Сон было бы легче, ей бы не пришлось беспокоиться о скрытых экспертах. Если человек с мастерством Сира Чарока был всего лишь помощником повара, кто знал, какие навыки держал в секрете плотник или швея.

Мистер Растрем продолжил свой путь в лес, Сон преследовала его по пятам, ломая себе голову - какими же словами его убедить. Она даже не знала, как вести нормальные разговоры, как она должна была убедить солдата в звании выполнять свои обязанности? Поглощенная своими мыслями, она слишком отвлеклась и врезалась в Мистера Растрома, так как он остановился без предупреждения. Вспыхнув от стыда, она вздрогнула и стала ждать удара.

- Знаете,- криво сказал мистер Растрем, - я бродил здесь, чтобы побыть один. Он смотрел на нее, приподняв бровь и поджав губы, ясно выдавая свое неудовольствие.

Понимая, что он не избил бы ее, она поклонилась ему в покорности и благодарности.

- Этот смиренный человек может только извиниться, мистер Растрем. Леди Турсинай попросила вернуть вас. Наш спарринг должен продолжаться.

- Спарринг? Нет, спарринг подразумевает двух воинов одинаковой силы, дерущихся и получающих взаимную пользу от тренировки. В сравнении с тобой я всего лишь ребенок, избитый по простой прихоти. У меня нет навыков в бою, и вся практика в мире ничего не изменит, - вытащив из-за пояса шпагу в ножнах, он на солнце восхищался прекрасной тонкой работой мастера, - прошло несколько месяцев с тех пор, как мне подарили это замечательное оружие, и я все еще не овладел им. Офицер Рейн выбрал не того человека, чтобы быть его заместителем. Возьми шпагу и попроси Сумилу выбрать кого-то достойного его. Я больше не буду притворяться лидером, я никогда не был предназначен для командования.

Отшатнувшись от оружия, Сон отшатнулась в отрицании.

- Эта смиренная не смеет, госпожа подарила это оружие вам. Она часами наблюдала за

вашиими стараниями, разговаривала с Герелем и Рейном, чтобы решить, как лучше всего его сконструировать, и дни потела над кузницей, чтобы изготовить его. Мастер сделал оружие, думая о вас, вы должны принять это.

Бросив оружие на землю, Мистер Раустрем рявкнул.

- Ты что, не слышала? Это оружие бесполезно в моих руках. Я не более чем неудачник, которым был всю свою жизнь. Отдай его Булату, он лучший фехтовальщик, чем я, и более способный командир. Босс выбрал меня своим секундантом только потому, что я занимал высокое положение. Это была ошибка, и я больше не позволю этому продолжаться. Я сдаюсь, пусть найдет кого-то более подходящего на мое место, - повернувшись, Мистер Раустрем уселся рядом с деревом, притаившись в тени, как капризный ребенок.

Подняв рапиру с земли, Сон впилась взглядом в спину наглого солдата, отряхивая пыль. Как он посмел отказаться от подарка хозяйки? Ее руки чесались, чтобы протянуть руки и ударить его, готовая принять любое наказание, только чтобы стереть это оскорбление. Ее ноги двинулись к нему, она схватила саблю, бесшумно шагая к его спине, глядя на надутого солдата, который обнял колени и надулся. Слишком много кнута не только от Рейна, но и от него самого, и она остановила себя, прежде чем ударить его по голове, его жалкая форма напомнила ей об Аури. Внутренне улыбаясь ей, она вложила рапиру в его объятия.

- Вы ошибаетесь. Пойдемте, мы должны вернуться и спарринговать.

Не обращая внимания на его недоверчивый взгляд, она осторожно подняла его на ноги и повела обратно на площадку для спарринга. Он послушно последовал за ней, озадаченный и смущенный.

- Что ты делаешь? Я сказал, что ухожу, оставь меня в покое.

- У этой скромной не хватает полномочий, чтобы согласиться с таким решением. Мистер Раустрем, вы должны говорить с Рейном, насчет таких вопросов. Этот небольшой спарринг поможет повысить силы, - гордясь своим умным мышлением, она поспешила, пока он был слушался ее. Напомнив себе использовать пряник, она добавила, - эта смиренная считает, что Рейн выбрал правильного человека, как и госпожа. Вы больше всего подходите для второго по званию, рассудительный, с острым умом. В прошлом месяце вы показали это, объединив рыбацкие деревни в один город. Мало того, что вы не только укрепили их против бандитов и диких существ, но, объединившись с ними, вы могли договориться о повышении цен с представителями Совета, угрожая продать их напрямую майору Ючжэну. Вы завоевали уважение и любовь людей, нелегкая задача после того, как Рейн снес и сжег многие из их домов. Рассказы буду распространяться, и репутация Бекхая будет расти, а это наша главная цель.

- Это не солдат, это просто купец.

- Командование - это не только бой. Если бы не их сотрудничество, наша задача здесь была бы намного труднее, требуя широкомасштабного патрулирования и более длинных цепочек поставок. Вместо этого вы собрали их вместе и вели с ними переговоры о еде и крове. Если бы здесь был Рейн, он не смог бы сделать ничего лучше. Даже молодой магистр Фунг и офицер Хуушаль ценят ваши советы в этих вопросах, - она не хотела признавать этого, но Рейн была талантлива в нахождении способных людей. Кто бы знал, что он так может так далеко заглядывать, он втягивал их, казалось бы, бесполезных людей, и делал из них что-то годной

- А что насчет оружия? Я никогда не слышал, чтобы кто-то месяцами овладевал духовным

оружием, у меня нет на это таланта, - в его голосе отчетливо слышалось нытье, шаги становились все неохотнее, когда она тащила его за собой.

- Этой скромной понадобилось семь месяцев и четырнадцать дней, чтобы овладеть своим оружием. Старый хозяин был очень недоволен ее недостатками, - она получала несколько побоев в день в течение нескольких месяцев, прежде чем ударила себя оружием, надеясь положить конец своим страданиям. Сделав это, она проснулась с оружием в руке, ее попытка самоубийства была сладким сном, который привязал оружие к ней. Она должна была знать; ее клятва предотвратила попытку самоубийства.

- На самом деле? Так долго? Как тебе это удалось? - надежда звенела в его голосе, когда он спросил, дрожа от страха.

Повернувшись, чтобы посмотреть ему в глаза, она дала ему единственный совет, который она могла.

-Оружие - смерть. Не бойтесь его. Обнимите его, - она отпустила его до того, как они прибыли на спарринг-площадку, ожидая его, - пожалуйста, пройдите вперед, мистер Растрам. Вам нужна практика, если вы когда-нибудь надеетесь стать сильным."

Глубоко вздохнув, мистер Растрам выпрямил спину и прошептал: "Спасибо." Поймав гордый кивок Леди Турсинай, когда он вошел с высоко поднятой головой, Сон просияла от невысказанной похвалы, за тем она схватила свое тренировочное оружие и последовала за ним. Решимость поселилась в ней, она планировала вернуться и украсть Аури из его палатки, надеясь завоевать любовь сладкой кошки любовью и угощениями.

Надеюсь, Рейн останется в стороне достаточно долго, чтобы исправить все свои ошибки, и если это так, то она не могла позволить бедной Аури так долго страдать.

Цин-Цин поспешила домой с ведерком моллюсков в руке, двигаясь быстро, чтобы избежать Джена или кого-либо из его дружков. Между его друзьями, поклонниками и лакеями отца жизнь в безмянной деревне стала для нее невыносимой. Закрыв за собой дверь, она проверила маленького воина, улыбаясь про себя, когда он что-то бормотал во сне. Мать действительно присматривала за ним, а также за Цин-Цин, послав ей опекуна, который мог увезти ее.

Его сонное бормотание было значительным улучшением после мучительных криков и припадков, которые он перенес, когда она только привела сюда. Глядя в его пустые глаза, когда он причитал, она почти избавила его от страданий, но не могла заставить себя сделать это. Кто она такая, чтобы решать жизнь и смерть? Это была компетенция Матери, и Цин-Цин могла подчиняться только ее воле. Поняв, что он носит духовное оружие, она сняла экзотический щит с его изуродованного тела и спрятала его, прежде чем найти помощь, чтобы вернуть его.

Слухи распространялись быстро, как и всегда, только сотня душ, и каждая из них была чище предыдущей. Все они коротко поговорили с ней, предупредив, чтобы она хорошо позаботилась о странствующем разбойнике, чтобы деревня не навлекла на себя гнев его товарищей, но ни один из них не предложил помощи, бесполезная кучка лицемеров. Они надеялись свалить всю

вину на нее, когда молодой воин умрет, как им казалось. К счастью, он выжил, и даже лучше, только она знала, что он не бандит. Нежно поглаживая его лицо, она хихикнула про себя, мечтая о том, чтобы ее увезли на его жеребце к лучшей жизни.

Вымыв моллюсков, она приготовила для него суп, кипятила дикие травы и клубни, чтобы накормить его живот, ничтожное подношение. В последнее время было трудно, Джен больше не приносил подарков из риса и рыбы, возмущенный ее "привязанностью" к предполагаемому бандиту. Глупый человек с головой в заднице, его мелочное и властное поведение было отталкивающим. Будь он лучше, она была бы не против выйти за него замуж, но он был слишком властным и ревнивым. Достаточно было просто поговорить с другим мужчиной, чтобы вызвать его гнев, и она не будет так жить.

Все ее время было посвящено уходу за раненым воином, у нее было очень мало времени, чтобы заработать деньги, но все это будет стоить того, если он выживет и увезет ее из этой захолустной деревни. Ожидая, пока еда приготовится, она некоторое время смотрела на его очаровательное лицо, ужасная полоса струпьев прекрасно заживала. Он выглядел таким молодым и милым, что было невероятно, как он выжил. Наполовину съеденный и избитый, он выглядел хуже трупа, когда она впервые нашла его, но теперь он был близок к тому, чтобы быть полностью здоровым, требовалось чуть более чем две недели. Мать работала таинственным образом.

Маленький воин проснулся, когда суп приготовился, и она поспешила помочь ему сесть, закрыв глаза, чтобы скрыть отблеск огня.

- Хорошо, что ты проснулся. Чувствуешь себя лучше? - намочив салфетку, она нежно вытерла его покрасневшее лицо. После того, как она помогла ему закрыть глаза, она прислонила его к стене и завернула в одеяло.

- Тебе нужно поесть, исцеление Матери сказалось на тебе. Достав тарелку супа, она осторожно подула на него и поднесла ложку к его губам, медленно его кормя.

Он ел молча, и она с тревогой наблюдала, как его лицо исказилось от неудовольствия.

- Приношу свои извинения за вкус, воин, но у меня нет денег на соль или специи, и это все что в моих силах.

- Ах. Он покачал головой, тяжело сглотнув, - нет, это это восхитительно.

Нервно хихикая, она спросила: "Тогда почему ты гримасничаешь, как будто я кормлю тебя грязным лекарством?"

Он хихикнул.

- Э, да, я не люблю моллюсков. Или любые морепродукты. Это не твоя вина, еда в порядке... вкусная, - оглядев комнату, он спросил, - где мои вещи? Мое оружие и доспехи?

- Я спрятала твой щит в лесу, воин, и твои доспехи были изодраны в клочья, и это все, что было на тебе. Если ты ищешь свой кошелек, я боюсь, что он потерялся в озере, клянусь. Все остальное я убрала в сундук, если хочешь, можешь посмотреть, - отложив чашу в сторону, она поспешила вынести все на обозрение, - великий воин, советую пока оставить твое оружие в тайнике. Если жители деревни узнают, что у тебя есть духовное оружие, мы оба будем в опасности.

- А как насчет моих сапог? И почему мы должны быть в опасности?

Порывшись в сундуке, она вытащила единственный, изодранный ботинок.

- Только левая, правая отвалилась, и рыба откусила тебе пальцы, - передав ему сапог, она объяснила тихим шепотом, - здесь, в пустыне, бандиты держат власть, и любой бандит с духовным оружием хорошо известен. Если ты покажешь свое оружие, люди будут знать, что ты солдат, и если станет известно, что мы приютили солдата, банды убьют всех здесь в качестве наказания и примера для остальных. Тебя благословила Мать, и я не могу позволить тебе умереть от их рук.

- Ах. Думаю, мне тоже не стоит говорить людям свое имя, - перевернув сапог, он вяло потряс его, прежде чем вернуть ей, - подними подошву, под ним спрятаны монеты.

- Ты можешь сказать Цин-Цин, я клянусь своей жизнью, что сохраню ее в тайне, великий воин, - ее голос застрял в горле, когда она вытрясла монеты. Пять тонких золотых слитков вывалились наружу, и ее руки задрожали, когда она потянулась к ним, прежде чем отпрянуть. Целое состояние, настоящее состояние, спрятанное в сапоге, кто этот молодой человек? У него было еще больше в другом ботинке? Стоило ли рисковать и нырять в поисках ботинка

- Меня зовут Падающий Рейн. Ты не находила мой жетон, нет? Я думаю, это важно или что-то вроде того, мой значок.

Потребовалось несколько мгновений для того, чтобы отвернуться от золота и осознать серьезность его слов. Неудержимо дрожа, когда она смотрела на очаровательного молодого человека, ее разум мчался через истории о бессмертном дикаре. Самый молодой прапорщик за последнюю тысячу лет, его сила выкована в пылу тысяч сражений. Варварский воин, плевавший на Общество, Совет и совсем на бандитов из Мясницкой бухты, ни один не был достоин уважения в его глазах. В основном, она сосредоточилась на рассказах о его невероятной похоти и о том, как он открыто угрожал изнасиловать магистра Шэнь Юня. Он осмелился сказать это магистрату: что он может сделать с простой деревенской девушкой?

Вырвавшись из оцепенения, она оттолкнула золото и распростерлась перед ним, несколько раз поклонившись, она умоляла.

- Пожалуйста, великий воин, я простая деревенская девушка, я ничего не знаю. Смилуйся, умоляю тебя, смилуйся. Я всего лишь скромная деревенская женщина, недостойная вашего внимания, - даже будучи раненым, ему достаточно было поднять палец, чтобы убить ее. Слезы текли из ее глаз, когда она продолжала умолять, проклиная себя за то, что принесла беду в свой дом. Джен был прав, дикарь должен был пойти с ней и перерезать ей горло, когда он выздоровеет, скорее всего, съест ее, чтобы восстановить силы.

Он протянул к ней руку, и она вздрогнула, но, слишком напуганная, чтобы убежать, она замерла в ужасе, тяжело дыша.

- Успокойся, девушка. Я уже говорил, что не собираюсь... навредить вам. Ты мой благодетель. Это золото твое, и получишь еще больше, если ты пошлешь весточку моему Народу. Они придут за мной, и я им все расскажу... чтобы щедро вознаградить тебя.

Она продолжала плакать до тех пор, пока суп не остыл и слезы не иссякли. Измученный находением в сознании, Рейн отключился задолго до того, как она закончила плакать, и Цин-Цин задрожала, наблюдая, как он спит. Она хотела схватить нож и убить его, но, увидев, как он переживает такие тяжелые травмы, пришла к выводу, что было бы милосерднее использовать

нож на себе.

Тяжело сглотнув, она повернулась, чтобы посмотреть на золотые слитки, разбросанные по ее хижине, поднимая их один за другим. Спрятав их обратно в сапог, она обняла колени и задрожала в углу, молясь Матери о наставлении. После долгих часов самоанализа она потеряла глаза и похлопала себя по лицу, и разогрела себе миску супа. Его личность не имела никакого значения в великой схеме вещей, а только испортила ее судьбу. Если станет известно, что она спасла Падающего Рейна, проклятие бандитов из мясного залива, она сильно пострадает от руки Призрака.

Было бы невозможно послать сообщение, не было никого, кому она могла бы доверять. Это означало, что ей нужно было вернуть его к своим людям, на другой стороне озера, почти недельное путешествие для здорового человека пешком. Тяжелая задача для молодой женщины, которая никогда не покидала деревню, и тяжело раненого солдата, разыскиваемого каждым бандитом в радиусе ста километров. Взглянув на сапог, она сдержала свою жадность. Бежать в одиночку с золотом было бесполезно, Падающий Рейн был ее единственной надеждой на выживание за пределами деревни, это была причина, по которой она спасла безымянного солдата. Возможно, он даже сдержит свое обещание и не изнасилует ее, хотя она и не рассчитывала на это. В конце концов, слабым суждено быть кормом для сильных, таков был путь в этом мире.

Устроившись на соломенной кровати, она со страхом наблюдала, как он пытается заснуть, и каждый раз, закрывая глаза, ее преследовали видения своей грязной судьбы.

<http://tl.rulate.ru/book/591/449461>